

Аналіз ДМА, які використовуються дітьми молодшого шкільного віку у різних ситуаціях спілкування, може бути перспективою наших подальших досліджень.

Джерела та література

1. Lacroff R. The logic of politeness // Papers from the Ninth Regional Meeting of Chicago Linguistic society. – Chicago: CLS, 1973. – P. 292-305.
2. Leech G. N. Principles of Pragmatics. – London: Longman, 1983. – 250 p.
3. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 168 с.
4. Богдан С.К. Мовний етикет українців: традиції і сучасність. – К.: Рідна мова, 1998. – 475 с.
5. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С.217-236.
6. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка: язык речевых действий. – М., 1994 – С.130-136.
7. Пушкин А.А. Прагматические характеристики дискурса личности // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. – С. 45-59.

Ганиева Э.С.

СИСТЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ТРУДАХ БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ

Постановка проблемы. Одной из ярких фигур крымскотатарского языкознания довоенных лет является Бекир Чобан-заде, ученый-тюрколог, общественный деятель и поэт (1893-1937). Большой вклад ученого в развитие тюркского, в том числе и крымскотатарского, языкознания определяется рядом известных трудов, среди которых следует отметить монографии «Тюрк-татар лисаниягына медхал» («Введение в турецко-татарское языкознание») [5], «Къырымтатар ильмий сарфы» («Научная грамматика крымскотатарского языка») [6], «Тюрк грамери» («Тюркская грамматика») [7] и др.

Ученый уделял большое внимание вопросам терминологии. В 1926 г. он выступает на I-ом Всесоюзном Тюркологическом съезде (Баку) с докладом «О системе научной терминологии» [3], публикует в журнале «Большевик» (Баку) статью «Ильмий терминлернин сарфлары» [10, с. 493; 4, с. 205].

Жизни и литературоведческой деятельности Б. Чобан-заде посвящено достаточно много исследований (И. Отар, Ф.Д Ашинин, А. Меметов, С. Нагаев, Д.П. Урсу, К. Аджар и др.), но его лингвистические труды в полной мере не изучены. Следует, однако, заметить, что за последние годы в тюркском мире интерес к научному наследию известного мыслителя неуклонно растет. Свидетельством тому является объемная монография турецкого ученого К. Аджара, посвященная языковедческой и литературоведческой деятельности Б. Чобан-заде [10]. Автор уделяет особое внимание лингвистическим трудам крымскотатарского исследователя, полно и детально описывает их выходные данные, содержание, язык, анализирует функционирующие лингвистические термины, сопоставляя их с современными терминами турецкого языка.

Однако существующие исследования совершенно недостаточны. Изучение научного наследия Б.Чобан-заде осложнено тем, что основные его труды, прежде всего монографии и учебные пособия, изданы арабской графикой, а с 1929 г. – новой латинской графикой на азербайджанском языке. Крымскотатарские ученые предпринимают попытку сделать их доступными современному читателю. Подтверждением этому является переиздание под руководством проф. А. Эмировой монографии Б. Чобан-заде «Къырымтатар ильмий сарфы» («Научная грамматика крымскотатарского языка») в транслитерированном (с арабской графики на кириллицу) и адаптированном к нормам современного крымскотатарского языка варианте [9, с. 19]. Изучение трудов ученого актуальны для крымскотатарского языкознания потому, что в них впервые систематизирована научная терминология крымскотатарского языка.

Целью настоящей статьи является описание генетических особенностей лингвистических терминов, употреблявшихся в языковедческих трудах Б.Чобан-заде.

Первым значительным трудом Б. Чобан-заде является книга «Тюрк-татар лисаниягына медхаль» («Введение в турецко-татарское языкознание») [5], опубликованная в Баку в 1924 г. арабской графикой. Труд был написан на стамбульском наречии османского (турецкого) языка. Однако турецкие исследователи отмечают стилистическую близость данной публикации к крымскотатарскому языку [10, с. 65].

При описании фонетики, фонологии, морфологии, лексикологии, в генеалогической и типологической характеристике тюркских языков, автор использовал большое количество терминов. Эти термины можно разделить на следующие группы: 1) арабские заимствования: *савт* 'звук', *тахлиль* 'диссимилиация', *ыстылах* 'термин' и пр.; 2) тюркские слова: *баи кьошма* 'префикс', *сёз такъымы* 'состав слова', *айры сёз* 'нечленимое слово, исторически состоящее из двух корней' и др.; 3) интернациональные (в основном латинские) термины: *spirant*, *bilateral*, *unilateral* и пр. Несмотря на то, что монография была написана арабской графикой, при передаче интернациональных терминов и собственных имен автор использует латиницу и кириллицу [10, с. 61].

При описании фонетического уровня тюркских языков употреблены следующие термины: *саите* 'гласный звук', *самите* 'согласный звук', *фысытлы сес* 'шипящий звук', *сызгыран сес* 'свистящий звук', *'седалы сес* 'звонкий звук', *патлайдыжы сес* 'взрывной звук', *дудакъ сеси* 'губной звук', *дамакъ сеси* 'гор-

танный звук', *дши сеси* 'зубной звук', *савтий* 'фонетический', *темсиль* 'ассимиляция' и др. [5, с. 8-43]. В этом разделе в качестве терминов употреблены и арабские и тюркские лексемы. Анализируя артикуляционные особенности звуков, автор вводит большое количество тюркских терминов.

Рассматривая морфологические и словообразовательные особенности тюркских языков, Б. Чобан-заде использует следующие единицы: *шекильджи / шекиль иляве* 'аффикс', *сёз япыджы шекильджи* 'словообразовательный аффикс', *дамар / кок / джезир* 'корень', *сёз шекили* 'форма слова', *баш кьошма* 'префикс', *сёз такьмы* 'состав слова' и др. Примеры показывают, что автор употребляет и арабские, и тюркские термины, но количество вторых превалирует.

Описание синтаксических особенностей тюркских языков осуществляется с помощью следующих терминов: *там джумле* 'двусоставное предложение', *накис джумле* 'односоставное предложение', *хабер* 'сказуемое', *муттеда* 'подлежащее', *гьайры сарфий джумле* 'назывное предложение', *джумле-и тамме* 'главное предложение', *джумле-и мотеммим* 'придаточное предложение', *нахв* 'строение предложения, синтаксис' и пр. Из приведённых единиц следует, что на синтаксическом уровне преобладают арабские термины или термины-гибриды (арабский + тюркский компонент). Использует ученый и персидские изафетные конструкции (например, *джумле-и тамме* 'главное предложение', *джумле-и мотеммим* 'придаточное предложение').

В работе встречаются и общезыковедческие термины, такие как *лисанят* 'языкознание', *диллернинь шеклий таснифи* 'типологическая классификация языков', *диллернинь шеджереви таснифи* 'генеалогическая классификация языков' и др.

Следующий труд ученого – «Къырымтатар ильмий сарфы» («Научная грамматика крымскотатарского языка») вышел в свет в 1925 г. арабским письмом на османском (турецком) языке [6]. Как уже отмечалось, монография переиздана под руководством проф. А. Эмировой. Именно это издание предоставило возможность наиболее полно проанализировать лингвистическую терминологию одного из значительных трудов Б. Чобан-заде.

Причины выбора языка, графики, а также употребленной терминологии автор объясняет так: «Что касается того, что наш труд написан на османском (турецком) языке, то это было вызвано желанием не включаться в нескончаемые до сего дня споры о (крымскотатарских) диалектах, избежать употребления непонятных, выдуманных терминов...» [9, с. 20-21].

Ученый, критикуя изданные после 1905 года тюрко-татарские книги по языку, отмечал два основных недостатка: 1) несоответствие принципу научности; 2) подчинение тюрко-татарского грамматического материала схемам и структурам, характерным русскому и французскому или арабскому и персидскому языкам [8, с. 30].

Создавая «Къырымтатар ильмий сарфы» («Научная грамматика крымскотатарского языка»), Б. Чобан-заде стремился описать грамматические категории, свойственные именно крымскотатарскому языку. В соответствии с этим изменился и характер лингвистической терминологии, употребляемой автором. Анализ этих терминологических единиц показывает стремление ученого заменить арабские заимствования терминами, созданными на основе исконной или общетюркской лексики. Из 135 выбранных нами из монографии терминов 105 составляют термины - общетюркские слова или термины-гибриды (общетюркское слово + арабское заимствование). Термины – общетюркские слова – это прежде всего единицы, созданные самим автором (в научных трудах других ученых предвоенного времени такого типа лексемы не встречаются): *тиль билъгиси* 'лингвистика', *сёз къурулышы* 'морфология', *сес теллери* 'голосовые связи', *далгалы сес* 'плавный звук', *шиве ильми* 'диалектология', *джансыз булунган шекильджи* 'непродуктивный суффикс', *къысартма* 'дизреза, выкидка звука' *баш ургъу* 'основное ударение', *бирлик* 'единственное число', *иш сёзлери* 'глаголы', *шарет сёзлери* 'указательные местоимения' и др. Кроме указанных, Б. Чобан-заде употребляет термины, встречающиеся в его ранних трудах и в работе Ш. Бекторе [1]: *тиш сеси* 'зубной звук', *дудакъ сеси* 'губной звук', *къалын сес* 'заднеязычный звук', *чекильме* 'склонение, спряжение' и др.

Термины общетюркского происхождения образованы в основном двумя способами: 1) калькирование русских лингвистических терминов (*дамагъ аркъасы сеси* 'заднеязычный звук', *сызгыргъан сес* 'фрикативный звук' и др.); 2) терминологизация (*дамар* 'корень', *темель* 'основа' и др.).

Гибридные термины являются именными словосочетаниями, имеющими в своем составе как тюркский, так и арабский компоненты: *къалын* (тюрк.) *саите* (араб.) 'заднерядный гласный', *соргъу* (тюрк.) *замири* (араб.) 'вопросительное местоимение', *мантыкъий* (араб.) *ургъу* (тюрк.) 'логическое ударение', *садалы* (араб.) *сес* (тюрк.) 'звонкий звук' и пр.

Ученый понимал, что формирование национальной терминологии – очень сложный процесс. Он осознавал, что использованные им термины в будущем заменятся более совершенными и точными терминологическими единицами. В настоящее время, считал он, важнее правильно описать само понятие, чем дать этому понятию название, [9, с. 50-51]. В тех случаях, когда автор не мог подобрать удачный термин из общетюркского фонда, он оставлял арабское заимствование. Эту позицию ученого, на наш взгляд, можно объяснить тем, что он избегал употребления неточных терминов. Заметим, что Н.К. Дмитриев, анализируя терминологию довоенных грамматик башкирского языка, оправдывал употребление арабских терминов, которые были хорошо знакомы окончившим старые мусульманские школы, вместо нарочито придуманных терминологических единиц, имевших более узкую сферу обращения [2, с. 64].

Среди группы заимствованных арабизмов, признанных Б. Чобан-заде, можно выделить термины, которые прочно вошли в крымскотатарскую лингвистику (*исим* 'имя существительное', *сыфат* 'имя прилагательное', *зарф* 'наречие', *фииль* 'глагол' и др.) и термины (18 единиц), которые не укоренились в языке и в более поздних научных трудах и крымскотатарских грамматиках не употреблялись. Это в основном назва-

ния разделов грамматики: *нахв* 'синтаксис', *сарф* 'грамматика'; названия грамматических категорий существительных и глаголов: *ахвал-ы исим* 'падежи', *исм-и адед* 'имя числительное' *мази-и баид сыйгасы* 'давнопрошедшее сложное время', *музафун илейх* 'родительный падеж', *гъайр-и муайен мустакъбель сыйгасы* 'неопределенно-будущее наклонение (глагола)'; некоторые фонетические термины: *саит* (*саите*) 'гласный звук', *самит* (*самите*) 'согласный звук' и др. Среди терминов арабского происхождения можно выделить производные слова: *шекляят* 'морфология' ← *шекл+ият*, *маният* 'семасиология' ← *мана+ият*, *лугъатият* 'лексикология' ← *лугъат+ият*, *савтий* 'фонетический' ← *савт+ий*, *нахвий* 'синтаксический' ← *нахв+ий* и др. На основе арабского корня и при помощи крымскотатарского словообразовательного аффикса ученый создает термин *шекильджи* 'аффикс' ← *шекиль+джи*.

Хорошо понимая роль международной лексики в развитии национальной терминологии, автор использует большое количество интернациональных терминов, давая их параллельно (в скобках) общетюркским словам и арабским заимствованиям: *дудакълаштырма* (*labialisation*), *богъазджылыкъ* (*velarisation*), *дамагъ аркъасы сеси* (*postpalatalis*), *савтият* (*фонетика*), *муштакъкъат* (*этимология*) и др. Вместе с тем Б. Чобан-заде широко оперирует и русскими лингвистическими терминами: *глухой* (*согласный*), *заднебный* (*звук*), *словоизменяющие* (*аффиксы*), *падеж*, *наречие*, *указательное местоимение*, *сравнительная грамматика* и др.

В процессе выявления специфики лингвистических терминов, функционирующих в другом труде Б. Чобан-заде – «Тюрк грамери» («Тюркская грамматика»), опубликованном в Баку (1929 г.) латинской графикой, мы воспользовались терминологическим словником (всего 70 терминов), составленным турецким тюркологом К. Аджаром в его монографии [10, с. 293-296].

Анализ этого словника, показывает, что автор «Тюрк грамери» («Тюркская грамматика») использует большее количество терминов, созданных на основе тюркских корней и по тюркским словообразовательным моделям (20 терминов). Например, употребляя термин *шекильджи* 'аффикс', зафиксированный и в ранних трудах («Къырымтатар ильмий сарфы», «Тюрк-татар лисаниятына медхаль»), он создает ряд других терминов: *джанлы шекильджи* 'продуктивный аффикс', *олю шекильджи* 'непродуктивный аффикс', *сёз япыджи шекильджи* 'словообразовательный аффикс', *сёз денъшитириджи шекильджи* 'словоизменяющий аффикс', *баш шекильджи* 'префикс', *сонъ шекильджи* 'суффикс' и др. Основываясь на **деривационные** возможности термина *дамар* 'корень', автор образует термины *ялма дамар* 'производный корень', *басит дамар* 'непроизводный корень', *къошма-муреккеп дамар* 'сложный корень' и пр. Тем не менее, количество заимствованных терминов в работе всё же преобладает (50 единиц). Ученый продолжает использовать арабские термины или гибридные термины с арабским компонентом: *сарф*, *нахв*, *темсиль* 'ассимиляция', *техиль* 'диссимиляция', *музафун илейх* 'родительный падеж', *истифхам къошмасы* 'вопросительная частица', *саителер уюшмасы* 'гармония гласных', *рабита* 'безличные формы глагола', *экинджи дередже мана* 'метафорическое значение' и др.

К. Аджар отмечает, что во всех случаях Б. Чобан-заде рядом с тюркским или арабским термином дает его латинизированный эквивалент [10, с. 296]. Например, *саителер уюшмасы* – *vokalharmonie*, *дудакъ саителери уюшмасы* – *labialharmonie*, *шекильджи* – *affiks / suffixe* и пр. В отдельных случаях грамматист поясняет латинский термин русским и французским аналогами. Например, термин *ияве* соответствует русскому *дополнение* или французскому *complement*, термин *таиний унсурлар* соответствует русскому *определение* или французскому термину *determinatif* [10, с. 296].

Таким образом, термины, употребленные в монографиях Б. Чобан-заде, можно классифицировать следующим образом:

- 1) термины-общетюркские слова;
- 2) арабско-тюркские термины;
- 3) арабские термины;
- 4) международные термины;
- 5) русские термины.

Создавая языковедческую терминологию крымскотатарского языка ученый стремился заменить арабские заимствования терминами, созданными на основе исконной или общетюркской лексики.

Интересным материалом для исследования лингвистической терминологии, на наш взгляд, может стать и библиография к «Къырымтатар ильмий сарфы» («Научная грамматика крымскотатарского языка») [8, с. 134-135]. В ней автор ссылается на источники, в которых можно найти сведения о тюркских грамматиках, написанных в конце XIX – начале XX веков М. Абдулькадыром, Хусейном Джахидом, Мехмедом Тевфиком, Яхья-Наджи Байбуртлы и др. К сожалению, научное наследие указанных языковедов труднодоступно современному читателю, поскольку их труды написаны арабским письмом и сохранились в считанных экземплярах..

Источники и литература

1. Бекторе Ш. Татарджа сарф, нахв. – Тотайкой: Татар окъув ишлери, ильмий хейети тарафындан тасдыкъ булды, 1923. – 110 с.
2. Дмитриев Н.К. Грамматическая терминология в учебниках родного языка (татарских, башкирских и чувашских). М.: Академии педагогических наук РСФСР, 1955. – 131 с.
3. Материалы I Всесоюзного тюркологического съезда. – Баку: 1926. – 431 с.
4. Нагаев С. Йыльнамелердеки излер. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына нешрият-матбаа бирлешмеси, 1991. – 304 с.

5. Чобан-заде Б. Тюрк-татар лисаниягына медхал. – Баку: Азернешр, 1924. – 241 с. (араб. граф.)
6. Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы. – Акъмесджит: Къырымдевнешир, 1925. – 188 с. (араб. граф.)
7. Чобан-заде Б. Тюрк грамери. – Баку: Азернешр, 1929. – 202 с. (лат. граф.)
8. Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Составители А.М.Эмирова, Н.С.Сейтягъев, под общей ред. А.М.Эмировой. – Симферополь: Доля, 2003. – 240 с.
9. Эмирова А.М. Лингвистическая концепция Бекира Чобан-заде // Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Составители А.М.Эмирова, Н.С.Сейтягъев, под общей ред. А.М.Эмировой. – Симферополь: Доля, 2003. – 240 с.
10. Kepan Asar. Kirimli Dilci Bekir Sitki Cobanzade. – Ankara, 2001. – 558 s.
11. Лексикографические источники
12. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Советская энциклопедия, 2002. – 707 с.
13. Словарь лингвистических терминов / Сост. Ахманова О.С. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
14. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / Гл. ред.: Ганиев Ф.Ә. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 с.
15. Турецько-український словник лінгвістичні термінології / Сост. Підвойний В.М. – К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2000. – 51 с.
16. Словарь-справочник лингвистических терминов по курсу «Введение в языкознание» / Эмирова А.М. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1995. – 96 с.

Карпенко А.В.

СИМВОЛИСТСКИЙ ДИСКУРС ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИВОПИСИ

Символизм пронизывает все культурные этажи человеческого бытия. Стойкая потребность в символических средствах является серьезным основанием, обуславливающим необходимость лингвокультурологического осмысления и анализа концептов символа и символистского дискурса. В гуманитарной науке проблема символа в художественном творчестве исследована недостаточно. У самых ее истоков стояли такие русские философы-мыслители, как А. Белый, Е.Н. Трубецкой, П. Флоренский. Среди специальных работ, посвященных символу, следует отметить фундаментальные исследования Э. Кассирера, А.Ф. Лосева, К.А. Свасьяна, А. Белого. Несмотря на большое количество различных концепций и их интерпретаций, обнаруживается отсутствие единого концептуального ядра исследования. Нет еще и ответов на вопрос о значении и смысле символа как для культуры в целом, так и для живописного творчества в частности. Данное исследование имеет целью восполнить этот пробел.

На протяжении всей истории мировой культуры символ играл определяющую, главенствующую роль в творческой активности человека. Символический знак, несущий в себе своеобразное идеальное содержание, всегда был связан с живописью. Для того чтобы подтвердить этот тезис, мы обратились к наследию французских художников-символистов.

Во французской художественной культуре конца XIX – начала XX века символизм становится её несущим стержнем. Главная задача живописного символизма состояла в том, чтобы установить связь конкретных, видимых явлений с идеальными представлениями, с незримой реальностью. Символический знак, несущий в себе своеобразное идеальное содержание, всегда был связан с живописью. Символ присутствует в живописи с древних времен. Таково искусство Древнего Египта, особенно символично искусство готики, где основное место занимают христианские символы, присущи символы и искусству эпохи Возрождения, художники которого обратились к античности, но особенно заметен он в искусстве Северного Возрождения – в живописи и графике А. Дюрера и А. Альтдорфера, в работах М. Грюневальда, Яна ван Эйка, Х. Бальдунга Грина, солярной символике Версаля. Символ философского плана доминирует в творчестве И. Босха, П. Брейгеля, Ф. Гойи.

Большое влияние на формирование живописного символизма оказал немецкий романтизм с его страстью к таинственному и сказочному. Символизм нашел отражение в творчестве прерафаэлитов Россетти, Миллеса, Берн-Джонса. Взгляды и идеи прерафаэлитов получили популярность во Франции. К ним были близки французские художники Милле, Орсель, Шассерио. Живописный символизм стал визуальным эквивалентом литературно-эстетического движения. Это был период тесных контактов между художниками и поэтами: они испытывали воздействие одних и тех же философских и социальных идей. Свои чувства, глупого разочарования и смятения выражали Рембо, Верлен, Малларме, Метерлинк, Верхарн и другие. Многие из них одновременно были и художественными критиками. Их имена нередко упоминаются рядом с именами таких художников, как Гюстав Моро, Одилон Редон, Пюви де Шаванн, Гоген. Творчество, противопоставленное отражению реальной действительности, ведет в вымышленный мир, который можно выразить лишь посредством символа, созданного воображением художника. Совсем не обязательно, чтобы символ воспроизводил объект по внешнему виду. Важно следующее: он должен в наглядной форме отображать основной принцип связи его элементов, определяемый теорией.

Картина «Видение» Гюстава Моро была написана под впечатлением от в общем-то, далеких от живописи событий. В этот период, в начале 70-х годов, французы тяжело переживали свое поражение во франко-прусской войне. В результате этой войны Франция потеряла Эльзас и Восточную Лотарингию. Моро воплощает Пруссию в образе коварной Саломеи, а обезглавленный Иоанн символизирует истерзанную врагом страну. Таким образом, далекие, казалось бы, от темы объекты воспроизводят основной принцип связи